

Кажется, он родился для того, чтобы ему везло. Первый фильм принес ему известность, второй сделал знаменитым, третий вызвал самые противоречивые споры. Кто-то поставил на нем крест, кто-то увидел крепкого профессионала с сильной европейской рукой, кто-то открыл у него новое дыхание. Его картины имели успех в Канне и хорошую прокатную судьбу в Европе, а ленты, поставленные по его сценариям друзьями-режиссерами, каждый раз становились событиями кинематографической жизни. Наконец, именно с его именем связывают появление на свет нового, постсоветского молодого кино. Знак! Символ! Визитная карточка! Лидер! В любом случае ясно одно: явление Валерия Тодоровского в нашем кино за последние годы стало явлением почти культовым.

— Валерий, а сами вы ощущаете себя лидером нового российского кино?

— Не думаю, что у нового кинематографического поколения сейчас вообще может быть какой-то лидер, потому что главное его отличие — непохожесть режиссеров друг на друга. Раньше при всей разности дарований у людей была единая цель: противостояние системе и право на собственный голос. Тот же Параджанов, скажем, расплачивался за то лишь, что видит мир иначе, чем другие. Или возьмите Германа, Муратову — это ведь люди, которые вынуждены были бороться за право просто говорить своим голосом и быть непохожими друг на друга. Как ни странно, эта цель давала очень мощный импульс жить и творить. Не случайно все сейчас заговорили о том, какие хорошие фильмы тогда снимали, несмотря на невозможные условия. И это же объединяло людей в некую группу, волну, поколение. Сейчас подобной единой программы нет. Единственный враг, который остался в нашей жизни, — я сам. Сознание себя как жертвы обстоятельства, с одной стороны, очень тяжело, а с другой — выгодно. Всегда можешь сказать, что тебе кто-то помешал: закрыли картину, вырезали лучший кадр. Сейчас никто никому ничего не запрещает, но ты никому и не нужен. Принципиально иная ситуация. Поиск своего языка и себя — твое личное дело. Тот Кинофорум молодого кино, который должен в январе состояться в Ялте, предполагается провести под девизом поиска манифеста. Это не просто красивая фраза — таково реальное положение дел. Конечно, какие-то общие черты существуют. В силу возраста мы, наверное, больше адаптированы к реальности, способны быстрее приспособиться к новым формам жизни и работы. Но это, пожалуй, единственное, что нас объединяет.

— Но ведь в новом кино тоже существуют разные группы, исповедующие определенные кинематографические направления и стили. К кому себя относите вы?

— Боюсь, такой классификации на группы и направления пока не произошло. Я вижу очень разных людей. Владимир Хотиненко, например, режиссер более народный, почвенный. Александр Хван — общекультурный. Дмитрий Месхиев — неожиданный, непредсказуемый. Сергей Ливнев — человек, наиболее мне понятный и близкий в силу многолетней дружбы, у меня на глазах происходит его многолетние метания. Ну а я — что-то еще совсем другое. И если кто-то воспринимает меня как лидера поколения, то спасибо, конечно, но как-то это странно. Меня окружают очень непохожие, очень даровитые режиссеры, и я никогда не взял бы на себя такой роли.

— Да, но так считают довольно многие, а оправдание чужих надежд и притязаний на судьбу и творчество — штука не слишком приятная.

— Андрей Кончаловский как-то сказал мне замечательную фразу: как только ты захочешь нравиться, ты погибнешь. Я полностью согласен с этой формулой. Надо делать не то, что кому-то нравится, не то, что перспективно и модно или имеет шансы прогнеться, а то, что хочется. Ты никогда не сможешь нравиться всем. То, что ты хочешь делать, всегда будет иметь противников, и дай Бог, чтобы это имело противников, потому что иначе — тоже конец. По большому счету успех приносит лишь те картины, которые делаются изнутри, органично, на одном дыхании.

— «Любовь» вы делали на одном дыхании и изнутри, а «Подмосковные вечера» заставляли себя любить. Может быть, поэтому их успех несравним с успехом «Любови»?

— Каждый режиссер проходит через разные стадии творчества. Пора наивного, абсолютно органичного творения небесночужда. Рано или поздно ты становишься искусственным, теряешь «невинность» и больше в профессии, ничего не понимая в профессии, просыпаться утром и думать: а вот сниму-ка я сегодня так! Или эдак! В какой-то момент начина-

ешь понимать, что существует большое мировое кино, начинаешь сопоставлять себя с ним, смотреть, что делают другие, видеть в себе слабости, наконец, искать нечто новое. Для меня «Подмосковные вечера» были картиной

ведь «Любовь» — очень сумбурный фильм. Я бы сделал картину, где было бы много смеха, юмора, изящества, и все бы меня хвалили. Но сам с собой я бы отношения не выяснил.

— А сейчас выяснили?

— Частично. Выяснил, что могу и чего не могу.

— Не поспорились?

— И ссорился, и мирился. Но я думаю, что отношения с собой важнее, нежели отношения с публикой и критикой.

— Кстати, о критике. Ее мнение сильно вас задевает?

— Конечно, я читаю и слушаю то, что пишут и говорят, и, конечно, расстраиваюсь, если меня ругают. Но когда я читаю критиче-

Валерий ТОДОРОВСКИЙ: Июль-август - 1994. - 19 июля - с. 6. НАСТОЯЩЕЕ КИНО ДЕЛАЕТСЯ НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

более придуманной, нежели рожденной спонтанно. И я рад этому, потому что в мире существуют гениально придуманные картины. Придя в режиссуру, я должен был сразу снять что-то такое, что дало бы мне возможность работать дальше. Так было с «Катафалком», который я сделал за две недели.

— Значит, «Подмосковные вечера» — ваш внутренний эксперимент?

— В какой-то мере. Для меня было большой неожиданностью, когда французская критика тоже оценила эту ленту именно как экспериментальную. Они рассуждали о музыке, длине кадра, движении камеры, новом изображении героини-преступницы. Можно сказать, что это моя личная школа режиссуры. В «Любови» я получал удовольствие от жизненности героев, фраз, игры в ностальгическую юность, а здесь — от света, пауз, атмосферы, литературности происходящего, пытался привить себе чувство формы, соразмерности, ритма. Хорошее кино — это всегда гармония, и недостаток понимания кино как формы, мне кажется, большая проблема нашего кинематографа. Вообще удивительно: этот фильм нравился всем, кому не нравилась «Любовь», и наоборот. Наверное, следущей моей картиной будет что-то на пересечении этих двух. «Любовь» в форме «Подмосковных вечеров».

— Судя по «Подмосковным вечерам», вы изменились не только как профессионал. Такое кино мог бы снять очень молодой человек. Вам не кажется, что за последние два-три года вы постарели?

— Конечно, я изменился, куда деться. Но не думаю, что изменился в сторону холодного отстраненного взгляда на мир, препарирования людей и отношений. Меня поймут все снимающие: выбор темы, сценария — это мучительный процесс. Милош Форман ответил однажды на вопрос, почему он снимает один фильм в 5-7 лет: «Вот мне приносят сценарий, я читаю, он мне нравится, очень нравится. Потом я спрашиваю: я хочу потратить два года жизни на этот сценарий? Нет, не хочу». Отношения с фильмом с годами становятся более мучительными и более ответственными. И перемены эти — оттого, что я мучительно выбираю, сомневаюсь, двигаюсь к чему-то новому. Та депрессия, которая у меня наступила после «Любови», была, как я сейчас понимаю, совершенно естественной. С одной стороны — Канн, фестивали, награды, успех. С другой — я стал более придирчиво и критично относиться к тому, что задумываю. Один за другим мои замыслы переставали мне нравиться. Я ничего не писал, не сочинял, а самичего, сразу разочаровывался. Самое легкое и комфортное для меня тогда было бы снять «Любовь-2». Причем снять лучше,

то хочу видеть профессиональный разбор, а не вкусовщину, потому что иногда вкус критики настолько не совпадает с моим, что я думаю: может быть, вообще не стоит обращать на нее внимания? Я могу понять человека, который не любит мой фильм, но при этом в состоянии сформулировать, что именно и почему ему не нравится, и назвать как положительный пример другой фильм, который я тоже считал бы достойным.

— То есть с критикой вы предпочитаете говорить на одном языке.

— Мы должны найти общую систему координат, общие правила игры.

— В которых вкус критики должен совпадать с вашим?

— Существуют вещи за гранью вкуса. Есть кино, а есть — некино. А уже внутри кино можно обсуждать, что хорошо и что плохо. Но часто критика превозносит то, что я вообще кино не считаю. Тогда это меня пугает. В такой ситуации я предпочитаю, чтобы меня ругали.

— Мне кажется, любой сценарист похож на тещу: ему хочется, чтобы его детище в лице режиссера нашло себе идеальную пару, причем такую, какую выберет он сам. С каким чувством вы смотрите картины, поставленные по вашим сценариям другими режиссерами?

— Я, наверное, самый легкий тип сценариста, потому что никогда не лезу в душу, не требую, чтобы меня слушались, и не дрожу над каждой строчкой. В тот момент, когда сценарий написан, он для меня перестает существовать.

— И кем вы сейчас себя больше ощущаете — режиссером или сценаристом?

— Режиссером, конечно. Это профессия, которая задавливает в итоге все остальное.

— Ваша последняя картина участвовала в конкурсе нескольких отечественных фестивалей, но фестивальными жюри осталась незамеченной. Вы тяжело переживаете подобные неудачи?

— Не могу сказать, что картина была обделена фестивальным вниманием. Она была приглашена в Канн для демонстрации в двухнедельных режиссеров, а Ингеборга Дапкунайте получила приз за лучшую женскую роль на актерском фестивале в Женеве. Что касается наших фестивалей... Ну что ж, кто-то предпочитает неуспех на «Кинотавре», а «Подмосковные вечера» выходят в Париже в 8 залах кинофирмы «Гомон». Залы «Гомон» — вторые по престижу прокатные залы Франции. Если кто-нибудь сейчас сможет показать мне такой же результат, я буду за него рад. Это мой приз. Потом будет премьера в Токио, Швейцарии, Канаде, Индии. По моим наблюдениям, эта картина нравится двум абсолютно разным категориям публики: простым

зрителям и эстетам. Меня такой расклад вполне устраивает, потому что эстеты — это люди, тонко понимающие кино, а широкий зритель — тот, ради кого, собственно, кино и делается. Для того чтобы я мог считаться полноценным, действующим режиссером европейского кино, мои фильмы должны идти в разных странах, люди должны приходиться, отдавать деньги, покупать билеты, смотреть. Это выше, чем хрустальные кубки и бронзовые статуи.

— Вы можете назвать себя режиссером, ангажированным Западом? Могли бы вы, например, сейчас получить там постановку?

— Нет. Думаю, я не получил бы постановку или получил бы что-то ужасное. Так далеко мое продвижение на Запад не зашло. Мною действительно интересуются, там нравится, что я делаю, но единственное, на что я могу рассчитывать, что на следующую картину, может быть, найдутся спонсоры.

— Валера, а у вас нет ощущения, что в последнее время вы стали немощно «свадебным генералом»? Вас приглашают поучаствовать, потусоваться, посидеть, выступить... Такое лицо в президиуме.

— Даже если и так, то не вижу в этом ничего плохого.

— Вам это импонирует?

— Иногда. Но в тот момент, когда я начинаю заниматься фильмом, все остальное уходит. Я не могу, к примеру, одновременно снимать кино и... ходить в гости по вечерам. Не получается.

— В общем, не Юлий Цезарь.

— Конечно, «я все могу». Я встречал режиссеров с таким ощущением. Искренняя любовь к себе как к человеку состоявшемуся, все понимающему и все знающему, — это катастрофа. Даже не катастрофа — конец. Я не верю, что в таком состоянии можно снять что-нибудь путное. Если попытаться сформулировать профессию режиссера как способ жить, то это — грань катастрофических сомнений, вдруг переходящих в полную самоуверенность. В какой-то момент ты должен сказать себе: все, жребий брошен, и сыграть эту уверенность в себе, потому что иначе нельзя. Нельзя бесконечно сомневаться. Но где находится эта тончайшая линия, этот момент, когда ты прыгаешь и чувствуешь — лечу! — не знаю.

— В жизни вы тоже человек сомневающийся и мучающийся?

— Скорее, мучительно сомневающийся. Я знаю, что со стороны не произвожу впечатление закомплексованного типа, но в основном живу с ощущением сомнения. В первую очередь в себе, а потом уже и во многом другом: в сценариях, в замыслах, в идеях, в том, что хорошо и плохо. Не могу сказать, что мне это очень нравится...

Ольга ШУМЯЦКАЯ.